

Глава 65. Беспорядок.

Какими бы горькими ни были зелья Салема, усталые маги проглотили несколько маленьких ложечек с питательными и укрепляющими добавками. Магнус и Люси держали наготове черную патоку на тот случай, если их языки пересохнут от горечи. Сирин принимал зелья, как чемпион, но от последнего успокоительного зелья его чуть не стошнило.

«Неужели ты не знаешь, как бороться со вкусом болотной крапивы?! – Сирин поперхнулся остротой, которая ужалила его язык. – Это зелье отнимает у меня жизнь!»

Сирин готов был поклясться, что улыбка Салема была садистской. Полуэльф с помощью лопаточки пошлепал по жадным рукам, опустошавшим банку с черной патокой.

«Разница между мной и тобой в том, что я максимально усиливаю эффект от своих зелий, а ты – нет. Ты идешь на компромисс с его концентрацией, уравнивая невкусный вкус. Постарайся понять это, Сирин, вкус не имеет значения, главное – это эффективность».

«Какое значение имеет эффективность, если твои пациенты даже не могут проглотить зелье? Наглядный пример А», – Сирин указал на Магнуса, который с рвотными позывами бросился к раковине. Бедный маг огня прошел через ад, как эмоциональный, так и физический, а теперь ему пришлось пить яды Салема. Роуэн с его чувствительным языком тоже, скорее всего, увидел вспышку смерти при первом вкусе зелий Салема.

«Боже, я умираю? Я умираю, так ведь?» – Магнус стонал в раковину. Люси сидел на стойке рядом с ним, поглаживая кругами его спину.

И хотя зелье испепелило его вкусовые рецепторы, Сирину пришлось отдать должное. Успокаивающий эффект уже проникал в его тело, как тяжелое, но успокаивающее одеяло. Его собственное зелье действовало бы дольше. Смертоносные творения Салема были первоклассными лекарствами, непревзойденными по своему действию и вкусу. Сирин согласился с тем, что было бы разумно сохранить партию зелий своего компаньона для экстренного использования.

Его собственная склонность к варке вкусных зелий появилась в результате вмешательства Роуэна в его жизнь. Он решил позаимствовать опыт Салема и не придавать особого значения вкусу. Несмотря на изменения, которые он сделал в пользу вкуса, эффективность его зелий была не слишком далека от зелий Салема, так как Сирин попросту был очень хорош. Однако в ситуации жизни и смерти зелья Салема превосходили его, и это было для Сирина унижительной мыслью.

Магнус не стал дожидаться времени отхода ко сну. Он чувствовал себя так, словно его изрядно потрепало, словно Роуэн вытащил его на долгий спарринг. Салемский отвар помог справиться с общей болью в мышцах, но теперь он чувствовал пульсацию в виске, которая имела отношение к надвигающейся головной боли. Обжигающе горячая ванна избавила его от напряжения, оставшегося после похода в город в облике пантеры. Для Магнуса не было сюрпризом, что сейчас его тело наказывало его за то, что он пренебрегал своей пантерой.

Маг огня надел пару чистых хлопковых пижамных штанов и скользнул в уютную постель, которую делил с Люсьеном. Когда он уже почти заснул, Люси тихонько прокрался к нему, пахнущему кокосовым мылом. Магнус проснулся, потянулся и обнял прохладный клубок солнечного света, который уютно устроился под одеялом.

«Спокойной ночи, Люси», – прошептал его заспанный голос мальчику, который ерзал в его

теплых объятиях. Магнус всегда был горячим на ощупь - как будто у него была высокая температура - из-за его врожденной магии. В теплую погоду Рыжий не мог спокойно лежать под одеялом с магом огня. Люси же проявлял гораздо большую терпимость и зарывался под подбородок Магнуса, чтобы быть ближе к теплу.

«Спокойной ночи», - шепнул Люси и погрузился в сон.

Месяцы исчезали, унося с собой песок времени, который ускользал сквозь пальцы быстрее, чем когда-либо. Риха пожертвовал несколько флаконов крови для исследований Сирина и Салема. Они обнаружили, что его кровь - прекрасное дополнение к кровоостанавливающим зельям.

В один особенно холодный день Салем обмакнул палец в кровь и сунул его в рот прямо на глазах у Сирина. Это вновь разожгло дремавшее желание молодого алхимика попробовать кровь селки.

«Дерзость!» - громко заявил Сирин, прежде чем опрокинуть в рот весь флакон с кровью. Дразнящий нектар прошел через его горло, гладкий и сладкий, как превосходное вино. Солёные нотки моря возвышались над ароматом крови, и он задерживался во рту, как прохладная волна океана. Это было просто восхитительно!

Салем скорчил гримасу по поводу того, насколько отвратительным показался ему этот вкус. С другой стороны, Сирин выглядел так, словно переживал священное событие. Демон наслаждался каждой каплей и улыбнулся.

«Салем, нам нужно больше крови».

Блондин вылил остатки крови селки в стеклянную пробирку с кислотной жидкостью.

«Не для того, чтобы ты пил».

«Это твоя вина. Отвечай за свои поступки и принеси мне еще».

Салем насмеялся над Сирином с острой улыбкой.

«Ты бы попробовал ее так или иначе, это был лишь вопрос времени. Не обвиняй меня в последствиях своей жадности».

Он признавал, что его действия стали катализатором действий Сирина. Но признаться в этом? Никогда. Сирин относился к тому типу людей, которым нравилось выжимать выгоду из любой ситуации, которую он считал благоприятной для себя. Если Салем признает свою вину, он окажется во власти Сирина, а этого он должен был избежать любой ценой.

Легкий стук в дверь оторвал их от препирательств.

«Я не вовремя?» - спросил Риха сквозь приоткрытую дверь.

«Нет, входи, Риха», - ответил Салем, выливая кровь селки.

Сирин все еще не отошел от счастья после принятия крови Рихи. По его мнению, это было не самое подходящее время для появления селки. Он наблюдал за Рихой и заметил, что селки был объективно красивым человеком, а не просто буфетом в форме человека. Большие глаза цвета морской волны и аппетитный рот цвета сливы приглашали наблюдателя откусить кусочек.

Светло-голубые отметины, которые появлялись на его коже, когда он попадал под прямые солнечные лучи, отличали его от человека, но для Сирина это не имело никакого значения. Привлекательный мужчина был привлекательным мужчиной, независимо от расы или статуса.

«Риха, я выпил ее», – Сирин передал пустой флакон селки. Молодому алхимику захотелось погрызть кожу Рихи, чтобы проверить, так ли она вкусна, как его кровь.

Салем перевел обеспокоенный взгляд с Сирина на Риху, но селки никак не отреагировал на провокационные слова.

«Как все прошло?» – наконец спросил Риха, устремив на Сирина любопытный взгляд. Салем вздохнул с облегчением. Он решил, что селки хорошо впишется в их группу неудачников.

«Как амброзия. Жаль, что я никогда не смогу тебя съесть, – Сирин усмехнулся, глядя на селки, – если ты хочешь обменять еще на что-то свою кровь, я весь во внимании».

Риха слабо улыбнулся в ответ. Как долго Сирин сможет сдерживать себя от соблазна взять еще больше частей тела селки?

«По шкале от 1 до 10, насколько ты склонен напасть на меня?» – спросил он мальчика.

«7»

«Это не слишком обнадеживает», – вставил Салем.

Сирин подошел к Рихе и вдохнул легкий аромат, исходивший от его тела. Из-за отсутствия открытых ран или порезов он не смог уловить особого аромата селки.

«Не торчи здесь, когда я голоден. А если получишь травму, уходи от меня как можно дальше, – приказал Сирин селки, – если только ты не чувствуешь себя самоубийцей, как тогда, когда я тебя обнаружил».

«Понял», – ответил Риха. Отсутствие страха в глазах селки поразило Сирина.

«Зачем ты пришел сюда, Риха?» – спросил Салем.

Селки повернулся к полуэльфу и ответил:

«Дело в Луми. С момента спасения он ни разу не переходил в человеческий облик. Я пытался поговорить с ним, но он не отвечает на мои попытки общения».

Салем вспомнил о желтой птице, крыло которой давно зажило. Она подозрительно наблюдала за ними и отказывалась покидать клетку, когда ее просили. Он решил, что настало время заставить птицу подчиниться, и Салем знал, как это сделать.

«Мы уважали твоё решение оставить их в покое, но, думаю, пришло время принять какие-то решительные меры, как ты считаешь?» – спросил Салем у селки.

«Это может навредить ему», – после паузы ответил Риха.

Заставляя оборотня меняться против его воли, можно было повредить его тело. Салем не собирался причинять вред Луми, но птица уже причинила себе вред своим упрямством, и селки это прекрасно понимал.

«Риха, у меня к тебе вопрос», – Салем положил ладони на стойку, слегка отклонившись назад. Он наклонил голову и посмотрел на притихшего селки.

«Почему ты поддерживаешь бредовые фантазии Луми об Айе?»

«Какие бредовые фантазии?» – спросил Сирина, озадаченный мрачным настроением, установившимся между двумя другими мужчинами.

Салем был разочарован неосведомленностью Сирина. Если бы юноша бросил более чем беглый взгляд на птицу по имени Айя, он бы заметил, что это обычная желтая птица. Она не была оборотнем. Так была ли у Луми сестра по имени Айя? Если да, то где она была и почему Луми солгал?

Риха вздохнул, измученный голос выдавал его разочарование.

«Когда он попал ко мне, Луми был убитым горем мальчиком, который заменил свою умершую сестру птицей, напоминая ему о ней. У меня не хватило духу разрушить его фантазию, по крайней мере, пока мы все еще находились в ловушке и подвергались пыткам Зелли, – объяснил его ровный голос, – это утешало его. И мы оба нуждались в этом больше, чем в здравомыслии».

Сирина поднес руку ко рту. Айя была просто птицей? Почему никто не сказал ему?

«Ты сделал то, что должен был сделать в тех обстоятельствах, которые тебе представились. Но сейчас? Какое у тебя оправдание, Риха?» – спросил Салем, скрестив руки.

Фарс должен был закончиться, и Луми должен был смириться с тем, что его сестры больше нет. Эта ситуация была нездоровой, не говоря уже о том, что это было жутко. Салем не был самым уравновешенным человеком в мире, и он сочувствовал трагедии, которую пережил Луми, но считал, что птица получила достаточно времени для скорби.

Возмущенный Сирина сел в кресло и пододвинул другой стул к селки. Кто еще заметил? – задавался он вопросом.

«Луми был скрытным, но он не был таким параноиком, как сейчас», – начал рассказ Риха, сев на предложенный Сирином стул.

«Из того, что мне удалось от него узнать, они попали в плен во время войны с соседним племенем. Его племя было уничтожено, а Айя была тяжело ранена, когда защищала его. Я полагаю, что она скончалась после их пленения, но продавцы на аукционе рабов заменили ее птицей, чтобы нажиться на доверчивых покупателях. Луми, который не мог справиться с горем, согласился заменить Айю. Он через многое прошел, Салем. Я не знаю, с чего начать, чтобы помочь ему».

«Итак, из твоего объяснения я понял, что паранойя Луми началась после того, как мы привезли его к нам».

«Да, – подтвердил Риха, – пока я не выясню причину его нынешнего поведения, я не смогу начать бороться с его бредовыми мыслями об Айе».

«Так что, по сути, Луми – сумасшедший, – добавил Сирина, – я знал, что в этом доме не может быть ни одного нормального человека, но это становится откровенно смешным».

Люди лгали. Салем узнал об этом в раннем детстве, когда его мать сказала ему, что он не может навестить своих бабушку и дедушку, потому что у него их нет. Люди использовали ложь как щит, иногда даже лгали самим себе. Он знал это, потому что так он справлялся с горем от потери всех, кого любил.

«Возможно, я был слишком подозрительно настроен по отношению к нему», – допустил Салем.

Не раз он ловил на себе взгляд Луми, и он не был тоскливым или маниакальным, как полагал Риха. Луми либо колебался между ясностью и манией, либо играл роль беспокойной птицы. Салему нужны были ответы.

«Чем дольше он остается в своей птичьей форме, тем больше риск. Я предоставлю введение сыворотки трансформации на твое усмотрение», – Салем поставил на стойку крошечный стеклянный пузырек. Он был наполнен прозрачной жидкостью.

«В этом нет необходимости, – вмешался Сирина, – он ускользает из клетки и превращается, когда все спят. Я решил, что это не мое дело, поэтому никому об этом не рассказывал».

«Ты решил, что это не твое дело?! – огрызнулся Салем. – Это твой дом, а он – подозрительная личность, о которой мы почти ничего не знаем!»

Он бросил взгляд на Сирина и продолжил:

«Он психически неуравновешен и может представлять опасность для жильцов дома».

«Я понятия не имел, что он психически нездоров! – бросил в ответ Сирина. – Это просто оборотень. Я могу легко с ним справиться, так почему ты злишься?».

Если бы только Салем мог объяснить Сирина, как беспокойно он чувствовал себя рядом с Луми. То, как птица наблюдала за ним, пугало его больше, чем он мог признать.

«Это моя вина, – Риха встал между ними и выступил посредником, – я поговорю с ним сейчас, и если он будет продолжать сопротивляться нашим усилиям, ты можешь выгнать его из дома».

«Ну, это уже слишком», – ответил Сирина. Беззащитного оборотня, к тому же психически неуравновешенного, нельзя было выпускать на волю.

«Салем прав в том, что мы почти ничего не знаем о Луми. За все годы, проведенные с ним, мы с ним недостаточно знакомы. Мысли Луми неуловимы».

«Ну, вот и все. Пойдем, пока Алька не позвал нас на обед».

Сплетя пальцы вокруг сыворотки, Салем направился к выходу из алхимической комнаты.

Если он что-то и ненавидел, так это беспорядок, а Луми как раз его и представлял. Это было все равно, что однажды проснуться и обнаружить, что на банках с ингредиентами наклеены неправильные этикетки. Салем хотел, нет, ему нужно было разобраться с Луми – восстановить чувство порядка, которое пропало в доме с тех пор, как появилась птичья клетка.